

КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ

ЛЬЮИС

*МЕРЗЕЙШАЯ
МОЩЬ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Космическая трилогия

Клайв Льюис

Мерзейшая мощь

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1945

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Льюис К. С.

Мерзейшая мощь / К. С. Льюис — «ФТМ», «Издательство АСТ», 1945 — (Космическая трилогия)

ISBN 978-5-17-133623-3

Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) — известный британский писатель, автор знаменитого цикла «Хроники Нарнии». «Я назвал это сказкой, чтобы читателя не ввели в заблуждение первые главы, и он сразу знал, что за книгу он открыл», — не без лукавства поведал Клайв Льюис в своем предисловии к роману «Мерзейшая мощь». Однако и сам автор намеренно вводит читателя в заблуждение своим лукавым предупреждением, что полностью соответствует духу романа, в котором все не то, чем кажется, где туман окутывает и город, и человеческие души, и где очень непросто докопаться до правды. Молодой социолог Марк Стэддок поступает на работу в Государственный Научно-исследовательский Институт Лабораторных Изысканий, полный радужных надежд. Казалось бы — работа мечты в уютном английском городке с чудесным лесом на окраине. К тому же ему чрезвычайно лестно внимание ученых мужей, разрабатывающих новационные методики по улучшению человеческой породы. И лишь постепенно к нему приходит осознание, что за стенами величественного храма науки творятся очень странные дела... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133623-3

© Льюис К. С., 1945

© ФТМ, 1945

© Издательство АСТ, 1945

Содержание

Глава I	7
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Клайв Стейплз Льюис

Мерзейшая мощь

© C. S. Lewis Pte Ltd., 1945

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Посвящается Дж. Макнилу

Я назвал это сказкой, чтобы читателя не ввели в заблуждение первые главы и он сразу знал, на что идет. Если же вы спросите, почему эти главы так будничны, я отвечу, что следуя традиции. Мы не всегда это замечаем, потому что хижины, замки, дровосеки и короли стали для нас такими же странными, как ведьмы и людоеды. Однако для людей своего времени они были обычнее, чем Брэктон – для меня. Многие крестьяне знали злых мачех, тогда как мне еще не довелось повстречать таких ученых. Но главное для меня – та важная мысль, о которой я пытался сказать в книге «Человек отменяется». Из всех профессий я выбрал свою не потому, что сотрудники университетов легче поддаются бесам, а потому, что лишь эту профессию я знаю достаточно хорошо, чтобы о ней писать. Тем, кто хочет понять получше, что такое Нуминор, придется (увы!) подождать, пока выйдут рукописи моего друга, профессора Дж. Р. Р. Толкина. Повесть эта – последняя часть трилогии (первые две части – «За пределы безмолвной планеты» и «Переландра»), но ее можно читать отдельно.

Оксфорд

Колледж Св. Магдалины

Каниун Рождества

Навис покров мерзейшей мощи

Подобно тьме угрюмой ночи.

Сэр Дэвид Линдсей

Глава I

Продажа университетской земли

1

«А в-третьих, – сказала самой себе Джейн Стэддок, – вы сочетаетесь браком, чтобы помогать друг другу, поддерживать друг друга и утешать». Она вышла замуж полгода тому назад, и слова эти засели у нее в памяти.

Сквозь открытую дверь она видела маленькую кухню и слышала громкое, неприятное тиканье часов. Из кухни она только что вышла и знала, что там все прибрано. Посуду она вымыла, полотенце повесила на радиатор, протерла пол. В комнатах тоже был порядок. Сейчас она вернулась из магазина, купила все на сегодня, а до одиннадцати оставалась целая минута. Если даже Марк придет к обеду, у нее только два дела на все семь часов: второй завтрак и чай. Сегодня там у них собрание. Когда она сядет пить чай, Марк непременно позвонит и скажет, что пообедает в университете. День лежал перед ней пустой, как квартира. Сияло солнце, тикали часы.

«Помогать, утешать, поддерживать...» – печально подумала Джейн.

На самом деле, выйдя замуж, она сменила дружбу, смех и массу интересных дел на одинокое заключение. Никогда еще она не видела Марка так редко, как в эти полгода. Даже если он сидел дома, он почти не разговаривал – то ему хотелось спать, то он о чем-то думал. Когда они были друзьями и позже, когда влюбились, ей казалось, что и за целую жизнь им всего не переговорить. Зачем он на ней женился? Любит он ее? Если любит, слово это значит не одно и то же для мужчин и женщин. По-видимому, бесконечные разговоры были для нее заменой любви, для него – предисловием.

«Вот и еще одно утро я промаялась... – сказала она самой себе. – Работать надо!»

Под работой она понимала диссертацию о Донне. Она не хотела бросать науку, и отчасти поэтому они решили не иметь детей, во всяком случае – теперь. Оригинальным мыслителем Джейн не была и собиралась подчеркнуть в своем труде «победное оправдание плоти» у избранного ею автора. Она еще верила, что, если обложиться выписками, заметками и книгами и сесть за стол, бывшее вдохновение вернется к ней. Но прежде – быть может, для того, чтобы оттянуть первый миг, – она полистала газету и увидела фотографию.

Тогда она вспомнила свой сон. Вспомнила она и те несчитанные минуты, когда сидела на кровати и ждала рассвета, не зажигая лампы, чтобы Марк не проснулся. Он ровно дышал, и это обижало ее. Он вообще спал как убитый. Только одно могло разбудить его, и то ненадолго.

Сон был дурной, но дурные сны тускнеют, когда их рассказываешь. Однако мы его расскажем, иначе многое будет непонятно. Сперва ей приснилось лицо. Лицо это было смуглое, носатое и очень страшное – главным образом потому, что на нем запечатлелся страх. Рот был приоткрыт, глаза расширены, как расширяются они на секунду, когда ты ошеломлен; но ей почему-то стало ясно, что шок длится несколько часов. Потом она разглядела всего человека. Он скорчился в углу беленой каморки и, по-видимому, ждал чего-то ужасного. Наконец дверь отворилась и вошел другой человек, благообразный, с седой бородкой. Они стали разговаривать. Раньше Джейн не понимала, что говорят люди в ее снах, или просто не слышала. Сейчас она слышала, но почти ничего не понимала, потому что говорили они по-французски, и это придавало сну особую достоверность. Второй человек сказал первому что-то хорошее, и

тот оживился и воскликнул: «Tiens... ah... ça marche»¹, но потом как-то поджался. Второй тем не менее убеждал его настойчиво и тихо. Он был недурен собой, хотя и холодноват, но в пенсне его отражалась лампочка, и глаз она не разглядела. Кроме того, у него были слишком безупречные зубы. Джейн он не понравился. Особенно ей не нравилось, что он мучает первого. Она не понимала, что он предлагает, но как-то догадалась, что первый приговорен к смерти и предложения эти пугают его больше, чем казнь. Тут сон утратил свой реализм и превратился в обычный кошмар. Второй поправил пенсне и, холодно улыбаясь, схватил первого за голову обеими руками. Он резко повернул ее (Джейн видела прошлым летом, что так снимают шлем с водолаза), открутил и унес. Потом все смешалось. Появилась другая голова, со струящейся бородой, вся в земле. За ней появилось и тело, какой-то старик, похожий на друида. Его откуда-то выкапывали. Сперва Джейн не испугалась, резонно предположив, что он мертвый; но он зашевелился.

«Не надо! – крикнула она во сне. – Он живой! Вы его разбудите!»

Но они ей не вняли. Старик присел и заговорил как будто бы по-испански. Это испугало ее так сильно, что она проснулась.

Такой был ее сон – не лучше, но и не хуже многих дурных снов. Однако, увидев газетное фото, Джейн быстро опустилась в кресло, чтобы не упасть. Комната поплыла. Голова была та самая, первая, не старика – узника. Джейн с трудом взяла газету и прочитала: «Казнь Алька-сана» – крупными буквами, а ниже, помельче: «Ученый-женоубийца гильотинирован». Что-то она об этом слышала, Алькасан, француз из алжирцев, известный физик, отравил свою жену. Значит, вот откуда сон, она видела вечером это ужасное лицо. Нет, не получается, газета утрен-няя. Ну, значит, видела раньше и забыла, ведь суд начался несколько недель назад. Займемся Донном. Что там у него? А, неясные строки в конце «Алхимии любви»:

Не жди ума от женщин; им пристали
Заботливость и скромность, что пленяли
Нас в матери...

«“Не жди ума...” Ждет ли его хоть один мужчина? Ах, не в этом дело, надо сосредото-читься, – сказала себе Джейн и тут же подумала: – Видела я раньше эту фотографию?»

Через пять минут она убрала книги, надела шапочку и вышла. Она не знала, куда идет. Да что там, только бы подальше от этой комнаты, от этого дома.

2

Марк тем временем шел в Брэктон-колледж и думал о других вещах, не замечая, как красива улочка, спускавшаяся из пригорода к центру.

Я учился в Оксфорде, люблю Кембридж, но, мне кажется, Эджстоу красивее их. Во-первых, он очень маленький. Никакой автомобильный, сосисочный или мармеладный король не осчастливил еще городок, где расположился университет, а сам университет – крохотный. Кроме Брэктона там всего три колледжа – женский, за железной дорогой, Нортумберленд, рядом с Брэктоном, у реки, и так называемый Герцогский, напротив аббатства. В Брэктоне студентов нет. Основан он в 1300 году, чтобы дать пропитание и приют десяти ученым мужам, которые должны были молиться о душе Генри Брэктона и вникать в английские законы. Посте-пенно их стало сорок, и теперь только шестеро из них изучают право, а за душу Генри Брэктона не молится никто.

¹ Смотрите-ка... да... хорошо (*фр.*).

Марк Стэддок занимался социологией и в колледже работал лет пять. Сейчас его дела шли очень хорошо. Если бы он в этом сомневался (чего не было), он бы отбросил сомнения, когда у почты встретил Кэрри и тот, словно это само собой разумеется, пошел дальше вместе с ним, обсуждая предстоящее заседание. Кэрри был у них проректором.

– Да, – сказал Кэрри, – времени уйдет много. Наверное, до вечера задержимся. Реакция будет противиться изо всех сил. Но что они могут?

Никто не угадал бы по ответу, что Марк в полном упоении. Еще недавно он был чужим, плохо понимал действия «Кэрри и его шайки», как сам тогда называл их, и на заседаниях говорил редко, нервно и сбивчиво, нимало не влияя на ход событий. Теперь он внутри, а шайка – это «мы», «прогрессисты», «передовые люди колледжа». Случилось это внезапно, и он еще не привык.

– Думаете, протащим? – сказал Стэддок.

– Уверен, – отвечал Кэрри. – Ректор за нас, и Бэзби, и биохимики. Пэлем и Тед соображают, не подведут. Ящер что-нибудь выкинет, но никуда ему не деться, голосовать будет за нас. Да, главное: Дик приехал!

Стэддок лихорадочно порылся в памяти и вспомнил, что один из самых тихих сотрудников носит имя Ричард.

– Тэлфорд? – удивленно спросил он. Понимая, что этого быть не может, он придал вопросу иронический оттенок.

– Ну, знаете! – захохотал Кэрри. – Нет, Дик Дивайн, теперь он лорд Феверстон.

– То-то я думаю! – сказал Стэддок, смеясь вместе с ним. – Очень рад. Знаете, я его никогда не видел.

– Как можно! – сказал Кэрри. – Приходите сегодня ко мне, он будет.

– С удовольствием, – искренне ответил Стэддок и, помолчав, прибавил: – Кстати, у него все в порядке?

– То есть как? – спросил Кэрри.

– Помните, были разговоры, что нельзя держать человека, если его никогда нет.

– Ах, Глоссоп и его банда! Ничего у них не выгорит. Неужели вы сами не видите, что это пустая болтовня?

– Вижу, конечно. Но, честно говоря, нелегко объяснить, почему Феверстон занимает место в Брэконе, когда он все время в Лондоне.

– Очень легко. Разве колледжу не нужна влиятельная рука? Вполне возможно, Дик войдет в следующий кабинет. Да он и сейчас гораздо полезнее, чем эти Глоссопы, просиди они тут хоть всю жизнь!

– Да, да, но на заседании...

– Вам надо знать о нем одну вещь, – перебил его Кэрри. – Это он вас протащил.

Марк молчал. Ему не хотелось вспоминать, что когда-то он был чужаком для всего колледжа.

– Да, – продолжал Кэрри. – Работы Деннистона понравились больше. Это Дик сказал, что нам нужен такой человек, как вы. Пошел в Герцогский, все о вас разнюхал и гнул свое: работы работами, а человек важнее. Как видите, он был прав.

– Весьма польщен... – сказал Марк и не без иронии поклонился. В колледжах не принято говорить о том, как именно ты прошел по конкурсу; Марк до сих пор не знал, что прогрессисты отменили и эту традицию. Не знал он и о том, что попал сюда не за свои таланты, а уж тем более – о том, что его чуть не провалили. Чувство у него было такое, словно он услышал, что отец его едва не женился на совсем другой девушке.

– Да, – говорил тем временем Кэрри, – теперь видно, что Деннистон совсем не подходит. Талантлив, ничего не скажешь, но совершенно сбился с пути. Хочет поделить поместья, то-се... Говорят, собирается в монахи.

– А все-таки он человек неглупый, – сказал Марк.

– Я рад, что вы и Дик познакомитесь, – сказал Кэрри. – Сейчас некогда, а потом я с вами хочу обсудить одно дельце.

Стэддок вопросительно взглянул на него. Кэрри понизил голос:

– Мы с Джеймсом и еще кое-кто думаем, не сделать ли его ректором. Ну вот мы и дома.

– Еще нет двенадцати, – сказал Марк, – в «Бристоль» не зайдем?

Они зашли. Когда ты свой человек, приходится делать такие вещи. Марку это было труднее, чем неженатому Кэрри, который еще и больше получал. Но в «Бристоль» было очень приятно, и Марк взял виски для проректора, пиво для себя.

3

Когда я единственный раз гостил в Брэктоне, я уговорил моего хозяина пустить меня в лес и оставить там на час одного. Он попросил прощения за то, что запирает меня на ключ.

Мало кого пускают в Брэгдонский лес. Войти туда можно лишь через ворота, созданные Иниго Джонсом, и высокая стена окружает поросшую лесом полосу земли в четверть мили шириной, в милю длиной. Когда вы входите с улицы в колледж и через него идете туда, вам кажется, что вы постепенно проникаете в святая святых. Сперва вы пересекаете двор, названный именем Ньютона, – квадрат, по всем сторонам которого стоят красивые здания в немного вычурном и довольно новом стиле. Потом входите в холодный коридор, где темно даже днем, если закрыта дверь справа, ведущая в зал, и левая дверь, с окошком, ведущая в кладовую, из которой сочится запах свежего хлеба. Вынырнув из тоннеля, вы оказываетесь в самом старом, средневековом здании и выходите во внутренний дворик, заросший травой; после строгого двора, рядом с серым камнем, он кажется на удивление уютным и живым. Недалеко часовня – и отсюда слышно, с каким хрипом идут старинные большие часы. Пройдя мимо урн и бюстов, поставленных в память бывших членов колледжа, вы спускаетесь по выщербленным ступенькам в ярко освещенный двор, носящий имя леди Элис, и вам вспоминается Беньян или Уолтон. И слева и справа от вас – здания XVIII века, скромные, похожие на простые домики, со ставнями и черепичной крышей. Дворик этот с четвертой стороны не замкнут – там лишь несколько вязов, а за ними стена. Здесь вы слышите впервые журчание воды и воркованье горлиц; вы уже так далеко, что других звуков нет. В стене – дверца, за ней – крытая галерея с узкими окнами по обе стороны. Выглянув из окна, вы видите, что внизу течет темная река. Вы перешли мост, цель близко. За мостом – площадка для игры в мяч, за нею – высокая ограда. Через решетку работы Джонса вы видите глубокие тени и залитую солнцем зелень.

Мне кажется, лес многим обязан стене – ведь огороженное место драгоценно. Когда я ступал по мягкому дерну, мне чудилось, что меня ждут. Деревья росли достаточно густо, чтобы вы постоянно видели перед собой сплошную листву; но вам все время кажется, что именно сейчас вы на полянке, ибо вы идете в неярком сиянии, среди зеленых теней. Я был совершенно один, если не считать овец, чьи длинные глупые морды иногда глядели на меня; но одиночество это напоминало не о чаще, а о большой комнате в пустом доме. Помню, я думал: «В детстве мне было бы тут очень страшно или очень хорошо», и потом: «Каждый становится ребенком, когда он один, совсем один. А может, не каждый?..»

Четверть мили пройти недолго, но мне казалось, что я часами добирался до сердцевины леса. Я знал, что она здесь, ибо здесь было то, ради чего я приехал, – родник, источник. К нему спускались ступеньки, и берег его когда-то, очень давно, был вымощен. Теперь камень раскрошился, и я не ступил туда, а лег в траву и потрогал воду пальцем. Отсюда, из глубины леса, шли все легенды. Археологи датировали кладку концом британско-римского периода, незадолго до вторжения англосаксов. Никто не знал, как связано слово «Брэгдон» с законоводителем Брэктоном, но я думаю, что семейство его поселилось здесь из-за сходства имен. Если верить преданиям,

лес много старше колледжа. У нас немало свидетельств, что источник звался «Колодцем Мерлина», хотя название это встречается впервые в документах XVI века, когда ректор Шоуэл, истово сокрушавший высоты и жертвенники, окружил лес стеной, чтобы охранить его от тех, кто устраивал там какие-то игрища. Не успел д-р Шоуэл остыть в своей могиле (он прожил лет сто), как офицеры Кромвеля попытались вообще разрушить это нечестивое место, но члены колледжа вступили с ними в схватку, во время которой был убит на ступенях у самого источника Ричард Кроу, прославленный и ученостью, и святостью. Вряд ли кто-нибудь посмел бы обвинить д-ра Кроу в язычестве, но, по преданию, последние его слова были такие: «Мерлин, сын нечистого, служил своему королю, а вы, сыны блудниц, – изменники и убийцы!» Каждый ректор в день своего избрания зачерпывал драгоценным кубком воду из источника и выпивал ее. Кубок этот хранился в колледже среди сокровищ.

Я думал обо всем этом, лежа у родника, восходившего ко временам Мерлина, если Мерлин жил на свете; лежа там, где сэр Кенельм Дигби видел однажды летней ночью странное видение; где Коллинз слагал стихи и плакал Георг III, а блистательный и многими любимый Натаниел Фокс писал свою прославленную поэму за три недели до того, как пал во Франции. Стояла такая тишина, листва так укрывала меня, что я уснул. Разбудил меня голос друга, звавший издалека.

4

Самым сложным был вопрос о продаже этого леса. Покупал его ГНИИЛИ – Государственный научно-исследовательский институт лабораторных изысканий, чтобы построить себе новое, более удобное здание. Институт этот был одним из первых плодов союза между государством и лабораторией, который будит у стольких людей надежду на то, что мир станет лучше. Он намеревался отменить обременительные запреты, которые до сих пор сдерживали свободу исследований. От экономических проблем он уже освободился. Здание, которое предполагалось для него построить, изменило бы даже силуэт Нью-Йорка, штаты планировались огромные, ставки – неслыханные. Отцы города и колледжа долго и дипломатично отвлекали институт от Оксфорда, Кембриджа и Лондона. Прогрессисты совсем было приуныли, но сейчас фортуна улыбнулась им. Они знали: если институт получит нужную ему землю, он переедет в Эджстоу и все наконец оживет. Кэрри даже сомневался, выдержат ли Оксфорд и Кембридж такое соперничество.

Три года назад Марк Стэддок предполагал бы, что на сегодняшнем заседании состоится бой поборников прогресса и пользы с сентиментальными поклонниками красоты. Теперь он этого не думал. Он знал, что дела делаются не так.

Прогрессисты вели игру на самом высшем уровне. Почти никто из сотрудников, рассказывающих в зале, не знал, что пойдет речь о продаже леса. Правда, в «Повестке дня» стояло «Продажа земли, принадлежащей колледжу», но пункт стоял во всех повестках, и никто его не обсуждал. Кроме того, пункт первый гласил: «Вопросы, связанные с Брэгдонским лесом». Кэрри сразу приступил к ним и прочитал несколько писем. Одно было от Общества охраны памятников и, на свою беду, содержало сразу две претензии. Было бы умнее ограничиться тем, что стена, окружающая лес, давно нуждается в починке. Правда, и здесь строгий тон не понравился присутствующим. Когда же речь пошла о том, чтобы колледж пустил в лес археологов для обследования источника, многие просто обиделись. Я не хотел бы подозревать проректора в намеренных искажениях, но Кэрри, читая письмо, не скрыл его неточностей и недочетов. Другое письмо было от парапсихологов, тоже стремившихся в лес, где «происходили, судя по слухам, странные явления», а третье – от студии, которая хотела снять фильм уже про самих парапсихологов. Всем трем заседание отказало.

Потом встал лорд Феверстон. Он полностью согласился с мнением колледжа об этих наглых письмах, но напомнил, что стена действительно оставляет желать лучшего. Многим (но не Стэддоку) показалось, что кто-то поставит наконец на место Кэрри и его шайку; это было приятно. Тут же вскочил казначей, Джеймс Бэзби, и горячо поддержал лорда Феверстона. «Оставляет желать лучшего» – это мягко сказано, стена в безобразнейшем состоянии. Чинить ее поздно, выход один: построить новую. Когда из него с немалым трудом выжали, сколько это может стоить, все ахнули. Лорд Феверстон холодно спросил, предлагает ли уважаемый коллега пойти на такие издержки. Бэзби (бывший священник, с большой черной бородой) ответил, что он ничего не предлагает, поскольку вопрос этот можно обсуждать лишь в тесной связи с теми финансовыми соображениями, которые он изложит впоследствии. Понемногу в дебаты стали втягиваться чужаки и реакционеры. Они не верили, что ничего сделать нельзя, и прогрессисты дали им поговорить минут десять. Потом снова показалось, что лорд Феверстон играет им на руку, ибо он спросил, неужели руководство колледжа видит только два выхода: строить новую ограду или допустить, чтобы лес стал открытым для всех. Он требовал ответа; и казначей, немного помедлив, ответил, что третий выход – обнести лес колючей проволокой. Поднялся страшный шум, из которого вырывались слова каноника Джуэла: «Лучше просто все вырубить!» Вопрос отложили до следующего заседания.

Второй пункт был совершенно непонятен. Кэрри читал переписку колледжа с общевниверситетским советом о «предполагаемом включении в состав университета некоторых научных учреждений». Получалось, что университет уже все решил и без них. Что именно он решил, почти никто не понял, хотя часто повторялось сочетание ГНИИЛИ. Те же, кто понял, смутно ощущали, что переезд института не имеет отношения к Брэктому.

К концу этого пункта многие думали о еде. Однако пункт третий вызвал оживление, ибо назывался он «ставки младших научных сотрудников». Я не буду говорить о том, сколько они получали, но этого им едва хватало, хотя жили они в самом колледже. Стэддок недавно был в их числе, и он им сочувствовал. Он понимал их скорбные взгляды – прибавка означала для них новый костюм, мясо на обед и возможность купить уже не одну пятую, а половину необходимых книг. Они жадно уставились на Бэзби, когда он встал, чтобы осветить положение. Как выяснилось, он знал, что никто не сомневается в его благих намерениях, но по долгу службы был вынужден сказать, что речь снова идет о непосильных расходах. Однако и этот вопрос можно было обсуждать лишь в свете соображений, которые он изложит позже. У всех уже болела голова, всем хотелось есть и курить.

Ко времени перерыва младшие сотрудники твердо верили, что эта чертова стена мешает им получить прибавку. В таком же настроении вернулись они в зал, и Бэзби доложил о состоянии финансов. Было очень жарко, говорил он очень нудно, зубы его то и дело сверкали над черной бородой, денежные дела вообще нелегко понять, а те, кому это легко, не работают в университетах. Всем было ясно, что денег совершенно нет, а самые неопытные стали подумывать уже не о стене и не о прибавке, а о том, что скоро закроют колледж. Не греша против истины, Бэзби сказал, что положение чрезвычайно тяжелое. Те, кто постарше, слышали это раз двадцать за свою жизнь и не слишком впечатлились. В учреждениях, особенно научных, очень редко сходятся концы с концами.

В следующий перерыв Стэддок позвонил домой, что не придет обедать.

Часам к шести все вопросы свелись к одной точке: продажа леса. Назывался он, конечно, не лесом, а «участком, окрашенным в розовый цвет на плане, который я сейчас пушу вокруг стола». Бэзби честно признался, что в участок входит часть леса; и впрямь, колледжу оставалась полоска футов шестнадцать шириной. План был маленький, не совсем точный, так, общий набросок. В ответ на вопросы Бэзби ответил, что источник, к несчастью – или к счастью, – окажется на территории института. Конечно, колледжу гарантирован свободный доступ к нему, что же до охраны, институт сумеет о ней позаботиться. Никаких советов Бэзби не давал, только

назвал предложенную сумму. После этого заседание пошло бойко. Выгоды, как спелые плоды, падали к ногам. Решалась проблема ограды; младшим прибавляли жалование; колледж вообще мог свести концы, и даже больше того. Как выяснилось, других подходящих мест в городе нет и в случае отказа институт перекинется в Кембридж.

Несколько твердолобых, для которых лес очень много значил, долго не могли толком понять, что происходит. Когда они поняли, положение у них было невыгодное. Получалось, что они спят и видят, как бы обнести Брэгдонский лес колючей проволокой. Наконец поднялся полуслепой и почти плачущий Джуэл. Стоял оживленный шум. Многие обернулись – кто с любопытством, кто и с восхищением, – чтобы посмотреть на тонкое, младенческое лицо и легкие волосы, белевшие в полумраке. Но слышали его только те, кто сидел с ним рядом. Лорд Феверстон вскочил, взмахнул рукой и, глядя прямо на старика, громко сказал:

– Если каноник Джуэл непременно хочет, чтобы мы не узнали его мнения, я думаю, ему лучше помолчать.

Джуэл хорошо помнил времена, когда старость уважали. С минуту он постоял – многим показалось, что он ответит, – но вдруг беспомощно развел руками и медленно опустился в кресло.

5

Выйдя из дому, Джейн тоже отправилась в город и купила шляпу. Она немного презирала женщин, покупающих шляпу, как мужчина покупает виски – чтобы подбодрить себя, и ей не пришло в голову, что она делает именно это. Одевалась она просто, цвета любила неяркие (каждый видел сразу, что перед ним не куколка, а серьезный, мыслящий человек) и думала поэтому, что не интересуется тряпками. Словом, она обиделась, когда миссис Димбл воскликнула, увидев ее у магазина:

– Доброе утро! Шляпку покупали? Поедем ко мне, примерим. Машина за углом.

Джейн училась у Димбла на последнем курсе, а жена его, «матушка Димбл», опекала и ее, и всех ее подруг. Жены профессоров не так уж часто любят студентов, но миссис Димбл их любила, и они вечно толклись в ее домике за рекой. К Джейн она особенно привязалась, как привязываются веселые бездетные женщины к девушкам, которых считают бестолковыми и прелестными. В нынешнем году Джейн забросила Димблов, совесть ее грызла, и приглашение она приняла.

Машина переехала мост – он вел на север, – свернула влево, миновала домики, норманнскую церковь и по дороге, окаймленной с одной стороны тополями, а с другой – стеною Брэгдонского леса, добралась до коттеджа Димблов.

– Как у вас красиво! – сказала Джейн, входя в их прославленный садик.

– Любуйтесь, пока можно, – сказал профессор Димбл.

– Почему это? – спросила Джейн.

– Ты еще не сказала? – обратился Димбл к жене.

– Я и сама толком не верю, – отвечала миссис Димбл. – Потом, мистер Стэддок в Брэк-тоне... Да вы ведь уже слышали, Джейн?

– Совершенно ничего не слышала! – честно ответила гостья.

– Нас выгоняют, – объяснила хозяйка.

– Господи! – воскликнула Джейн. – А я и не знала, что это земля колледжа.

– Да, – сказала миссис Димбл. – Почти никто не знает, как живут другие. А я-то думала, мы отговариваете мужа, хотите спасти нас...

– Марк никогда не говорит со мной о делах, – сказала Джейн.

– Хорошие мужья о делах не говорят, – поддержал ее Димбл. – Разве что о чужих. Вот Маргарет у меня знает все о колледже вашего мужа и ничего – о нашем. Как, завтракать будем?

– Подожди, – сказала его жена. – Сперва я посмотрю шляпку, – и быстро повела Джейн к себе наверх, продолжая старомодную женскую беседу.

Джейн старалась казаться выше этого, но ей стало легче. Когда шляпу отложили в сторону, миссис Димбл вдруг спросила:

– У вас все в порядке?

– У меня? – удивилась Джейн. – А что такое?

– Вы на себя не похожи.

– Нет, ничего... – пролепетала Джейн и подумала: «Она хочет узнать, не жду ли я ребенка».

– Можно я вас поцелую? – спросила миссис Димбл.

Джейн хотела ответить «Ну что вы!..», но, к своему огорчению, поняла, что плачет. Матушка Димбл вдруг стала для нее просто «большой» – теплым, огромным, мягким существом, к которому бежишь в раннем детстве, когда разобьешь коленку или куклу. Джейн часто вспоминала, как изворачивалась она, если мама или няня хотели ее обнять; но сейчас к ней вернулось то забытое чувство, которое она испытывала, когда кидалась к ним сама в страхе или горе. Нужда в утешении противоречила всем ее взглядам на жизнь. Однако она поведала, что ребенка не ждет, а просто горюет, потому что ей одиноко и она видела дурной сон.

За столом Димбл говорил о преданиях артуровского цикла.

– Поразительно, – сказал он, – как все там сходится, даже в очень поздней версии, у Мэлори. Вы заметили, что персонажи делятся на две группы? С одной стороны – Гинебра, Ланселот и другие, все благородные, и ничего специфически британского в них нет. С другой, как бы по ту сторону Артура, – люди низкие, с типично британскими чертами, и притом враждующие друг с другом, хотя они и в родстве. А магия... Помните это прекрасное место – о том, что Моргана «подожгла весь край женским ведовством»? Конечно, и в Мерлине много британского, хотя он не низок. Вам не кажется, что это – наш остров на исходе римского владычества?

– Что вы имеете в виду, доктор Димбл? – не поняла Джейн.

– Ну, одна часть населения была римской... Эти люди носили тоги, говорили на окрашенной кельтским влиянием латыни – нам она показалась бы вроде испанского. А в глубине, подальше, за лесами, жили настоящие древнебританские царьки, язык у них был типа валлийского, жрецами были друиды...

– Кто же такой сам Артур? – спросила Джейн, смущаясь, что сердце у нее екнуло при словах «вроде испанского».

– В том-то и дело, – сказал доктор Димбл. – Можно предположить, что он – старого британского рода, но крещен, обучен воинскому римскому искусству и пытается, не без успеха, стянуть страну воедино. Британские родичи этому противятся, а люди римской культуры смотрят на «местных» свысока. Вот почему сэра Кея постоянно называют мужланом – он принадлежит к одному из местных родов... И под всем этим – обратная тяга, назад, к друидизму.

– А что же Мерлин?

– Да... Интересная фигура... Быть может, попытка и не удалась, потому что он так рано умер? Он – не злодей, но колдун. Он, конечно, друид, но знает все о Граале. Он – «сын нечистого», но Лайамон дает нам понять, что это недостоверно. Помните: «Нездешних много сил, среди них есть добрые и злые».

– Удивительно, – сказала Джейн. – Я никогда об этом не думала.

– А я вот думаю, – сказал доктор Димбл. – Я размышляю о том, не был ли Мерлин последним представителем чего-то забытого, чего-то такого, что стало невозможным, когда люди, связанные с нездешними силами, разделились на черных и белых, на колдунов и священников.

– Не пугай нас!.. – сказала миссис Димбл, заметив, что Джейн озабочена. – Во всяком случае, Мерлин давно умер и похоронен, как все мы знаем, тут, рядом...

– Похоронен, но не умер, – поправил ее доктор Димбл.

Джейн вскрикнула, сама того не желая, а доктор Димбл продолжал, как бы думая вслух:
– Интересно, что они найдут, если станут там копать?..

– Сперва глину, потом воду, – сказала миссис Димбл. – Оттого здесь и строить нельзя.

– Зачем же они сюда рвутся? – спросил ее муж. – Джалс к романтике не склонен. Вряд ли он мечтает, что к нему перейдет мантия Мерлина.

– Ну что ты такое говоришь? – воскликнула миссис Димбл.

– Да, – сказал Димбл, – это маловероятно. Хотя некоторые из его людей были бы не прочь ее примерить. Другое дело, по росту ли она им. Не думаю, что им бы понравилось, если бы старый кудесник сам к ним явился.

– Джейн сейчас плохо станет! – сказала хозяйка и вскочила.

– Что с вами? – спросил хозяин, удивленно глядя на бледное лицо гостьи. – Слишком жарко?

– Так, чепуха... – проговорила Джейн.

– Пойдемте в кабинет, – сказал доктор Димбл. – Обопритесь на мою руку.

В кабинете, у открытого окна, глядя на лужайку, усыпанную ярко-желтыми листьями, Джейн рассказала свой сон, чтобы объяснить, почему она так глупо ведет себя.

– Вот, – заключила она. – Можете теперь провести сеанс психоанализа...

Судя по всему, доктор Димбл был сильно потрясен.

– Поразительно!.. – говорил он. – Поразительно!.. Две головы... Одна принадлежит Аль-касану... Неужели мы вышли на верный след?

– Сесил, не надо! – вмешалась миссис Димбл.

– Вы думаете, я больна? – спросила Джейн.

– Больны? – сказал доктор Димбл, непонимающе глядя на нее. – А, в этом смысле!..

И Джейн поняла, что он думает о другом. О чем именно, она не могла и предположить.

Доктор Димбл выглянул из окна.

– Идет мой самый тупой ученик, – сказал он. – Что ж, послушаю доклад о Свифте, который начинается словами «Свифт родился...», и постараюсь вникнуть, а это нелегко. – Он встал и положил руку Джейн на плечо. – Вот что, – добавил он, – ничего не буду вам советовать, но если вы захотите поговорить с кем-нибудь про этот сон, спросите у меня или у Марджери, к кому пойти.

– Вы не доверяете доктору Брайзекру? – спросила Джейн.

– Сейчас я не могу вам объяснить, – сказал доктор Димбл. – Все слишком сложно. Постарайтесь не волноваться. А если заволнуетесь, сразу сообщите нам. До свиданья.

Когда он вышел, явились какие-то гости, и Джейн больше не смогла поговорить с хозяйкой. Через полчаса она ушла и направилась по тропинке через поле, где бродили ослики и гуси. Слева виднелись башни и шпиль Эджстоу, справа – старая мельница.

Глава II

Обед у проректора

1

– Ну, удружил!.. – сказал Кэрри. Он стоял у камина в одной из красивейших комнат своей великолепной квартиры.

– Кто, Два Нуля? – спросил Джеймс Бэзби.

Все они – и он, и лорд Феверстон, и Марк – пили вино перед обедом. Двумя Нулями звался Чарльз Плейс, ректор Брэктонского колледжа. Лет пятнадцать назад прогрессисты считали его избрание одним из первых своих триумфов. Крича, что колледжу нужна свежая кровь, что пора его встряхнуть, что он закоснел в академической скуке, они протащили в ректоры пожилого чиновника, чуждавшегося академизма с тех пор, как он окончил Кембридж. Единственным его трудом был толстый отчет о состоянии клозетов в Англии. Однако надежд он не оправдал, ибо интересовался только филателией и своим больным желудком. Выступал он так редко, что сотрудники помоложе не знали его голоса.

– Да, черт его дери! – сказал Кэрри. – Просит зайти, как только я смогу.

– Значит, – сказал Бэзби, – Джуэл и К° на него надели. Хотят все переиграть.

– Резолюцию отменить нельзя, – сказал Кэрри. – Тут что-то еще, но вечер он мне испоганил.

– Именно что вам! – сказал Феверстон. – Не забудьте оставить то прекрасное бренди.

– Джуэл! О господи!.. – сказал Бэзби, запуская в бороду левую руку.

– Мне его стало жалко, – сказал Марк.

Отдадим ему справедливость: неожиданная, даже ненужная выходка Феверстона неприятно поразила его; неприятна была и мысль о том, что Феверстон протащил его в колледж. Однако эту фразу он произнес и потому, что хотел похвастаться независимостью мнений. Скажи ему кто-нибудь: «Феверстон будет вас больше ценить, если вы покажете зубы», – он бы обиделся; но никто этого не сказал.

– Джуэла пожалели? – удивился Кэрри. – Видели бы вы его в свое время!

– Я с вами согласен, – сказал Марку лорд Феверстон. – Но я, знаете ли, разделяю взгляды Клаузевица. В конечном счете так гуманней. Я пришиб его одним ударом. Теперь он счастлив – вот они, молодые, которых он ругает столько лет! А что еще можно было сделать? Дать ему говорить? Он бы довел себя до инфаркта, да и огорчился бы, что мы с ним вежливы.

– Конечно, и в этом есть смысл... – сказал Марк.

– Обед подан, – сказал слуга.

– Да, – сказал Феверстон, когда они уселись, – никто не любит, чтобы его враги вели себя вежливо. Куда бы делся бедный Кэрри, если бы наши мракобесы подались влево?

– Что там, Дик, – сказал Кэрри. – Я сплю и вижу, когда же конец этим распрям. Работать некогда!..

Феверстон расхохотался. Смех у него был поистине мужской и очень заразительный. Марк почувствовал, что лорд начинает ему нравиться.

– Работать? – переспросил Феверстон, не то чтобы подмигивая, но все же поглядывая в сторону Марка.

– Да, у нас есть и собственная работа, – сказал Кэрри, понижая голос, чтобы показать этим, что говорит всерьез. Так понижают голос, когда речь заходит о вере или о болезнях.

– Не знал за вами, не знал, – сказал Феверстон.

– Вот видите! – сказал Кэрри. – Или спокойно смотри, как все разваливается, или жертвуй своей научной работой. Немножко еще разгребу и сяду за книгу. Все уже готово, продумано, только пиши.

Марк никогда не видел Кэрри обиженным, и ему стало еще веселее.

– Понятно!.. – сказал Феверстон. – Чтобы колледж оставался на высоком научном уровне, лучшие его умы должны забросить науку.

– Вот именно!.. – начал Кэрри и замолчал, ибо Феверстон снова расхохотался.

Бэзби, прилежно занятый едою, тщательно отряхнул бороду и произнес:

– Да, в теории это смешно. Однако, по-моему, Кэрри прав. Предположим, он уходит со своего поста, удаляется в келью. Мы бы имели блестящее исследование по экономике...

– Я, простите, историк, – сказал Кэрри.

– Ну конечно, по истории, – продолжал Бэзби. – Итак, мы бы имели блестящее историческое исследование. Но через двадцать лет оно бы устарело. Работа же, которой он занят теперь, принесет колледжу пользу на очень долгое время. Перевезти в Эджстоу институт! Как вам это? А? Я говорю не только о финансовой стороне, хотя по долгу службы с ней связан. Вы представьте себе, как все проснется, оживет, расцветет. Может ли самая лучшая книга об экономике...

– Об истории, – подсказал Феверстон, но на сей раз Бэзби не услышал.

– ...об экономике, – повторил он, – сравниться со всем этим?

Доброе вино уже делало свое доброе дело. Все мы знаем священников, которые рады забыть о своем сане после третьей рюмки. Бэзби обладал другой привычкой: именно в этот момент он о своем сане вспоминал. Священник, уснувший летаргическим сном тридцать лет назад, обретал странную, призрачную жизнь.

– Вы знаете, – сказал он, – что правоверием я не отличаюсь. Но если понимать религию в широком, высоком смысле, я не побоюсь сказать, что Кэрри делает сейчас для колледжа то, чего не сделал никакой Джуэл.

– Я бы не стал употреблять таких слов, Джеймс, – скромно сказал Кэрри, – но...

– Конечно, конечно! – сказал Бэзби. – У каждого свой лексикон.

– А кто-нибудь узнал, – спросил почетный гость, – что именно будет тут делать институт? Кэрри удивленно посмотрел на него.

– Странно слышать это от вас, – сказал он. – Я думал, вы там свой человек.

– Наивный вы, что ли? – сказал Феверстон. – Одно дело – свой, другое дело – чем они занимаются.

– Ну, если вы имеете в виду частности... – начал Кэрри, но Бэзби его перебил.

– Знаете ли, Феверстон, – сказал он, – вы разводите таинственность на пустом месте. На мой взгляд, цели института совершенно ясны. Он, впервые в истории, занимается прикладной наукой всерьез, в национальных интересах. Один размах говорит за него. Какие здания, какой аппарат!.. Вспомните, сколько он уже дал промышленности. Подумайте о том, как широко он использует таланты, и не только научные в узком смысле слова. Пятнадцать начальников отдела, причем каждый получает по пятнадцать тысяч в год! Свои архитекторы, свои инженеры, свои полицейские... Поразительно!

– Будет куда пристроить сыночка, – заметил Феверстон.

– Что вы хотите сказать, лорд Феверстон? – спросил Бэзби.

– Ах ты, сморозил! – рассмеялся Феверстон. – Совсем забыл, что у вас есть дети.

– Я согласен с Джеймсом, – сказал Кэрри. – Институт знаменует начало новой, поистине научной эпохи. До сих пор все делалось как-нибудь. Теперь сама наука получит научную базу. Сорок научных советов будут заседать там каждый день, протоколы будут немедленно реферировать, распечатывать – мне показывали, удивительная машина! – и вывешивать на общей доске. Взглянешь на доску – и сразу видно, где что делается. Институт работает как бы на твоих

глазах. Этой сводкой управляют человек двадцать специалистов, в особой комнате вроде диспетчерской. На доске загораются разноцветные огоньки. Обойдется, я думаю, не меньше чем в миллион. Называется это «прагматометр».

– Видите! – сказал Бэзби. – У прагматометрии большое будущее.

– Да уж, не иначе, – сказал Феверстон. – Два Нуля сегодня говорил мне, что сортиры там – выше всех похвал.

– Конечно, – сказал Бэзби. – Не понимаю, что тут смешного.

– А вы что думаете, Стэддок? – спросил Феверстон.

– По-моему, – сказал Марк, – очень важно, что там будут свои инженеры и своя полиция. Дело не в этих прагматометрах и не в роскошных унитазах. Важно другое: наука обратится наконец к общественным нуждам, опираясь на силу государства. Хотелось бы надеяться, что это даст больше, чем прежние ученые-одиночки. Во всяком случае, это может дать больше.

– А, черт! – сказал Кэрри, глядя на часы. – Пора к Нулям. Бренди в буфете. Сифон – на верхней полке. Постараюсь поскорей. Вы еще не уходите, Джеймс?

– Ухожу, – сказал Бэзби. – Я ложусь рано. Весь день на ногах, знаете ли. Нет, надо быть болваном, чтобы тут работать! Сплошная нервотрепка. Дикая ответственность. А потом тебе говорят, что науку двигают эти книжные черви! Хотел бы я поглядеть, как бы Глоссоп повертелся!.. Да, Кэрри, займитесь своей экономикой, легче будет жить.

– Сказано вам, я... – начал было хозяин, но Бэзби, склонившись к Феверстону, уже сообщил ему какую-то смешную новость.

Когда Кэрри и Бэзби вышли, лорд Феверстон несколько минут загадочно смотрел на Марка. Потом он хмыкнул. Потом он расхохотался. Откинувшись в кресле, он хохотал все громче, и Марк стал вторить ему, беспомощно и искренне, как ребенок. «Прагматометры!.. – выкликал Феверстон. – Дворцовые сортиры!» Марку стало удивительно легко. Все, чего он не замечал, и все, что он замечал, но подавлял из уважения к прогрессистам, припомнилось ему. Он не мог понять, как же он не видел, что и проректор, и казначей просто смешны.

– Да, нелегко, – сказал Феверстон, приходя в себя. – Что ж, пользуемся вот такими. Их спрашиваешь дело, а они...

– И все же, – сказал Марк, – они умнее других в Брэктоне.

– Ну что вы! Глоссоп, и Ящер Билл, и даже старый Джуэл куда умней! Им не хватает реализма, они живут фантазиями, но чему они верят, тому и служат. Они знают, чего хотят. А наши бедные друзья... их легко впахнуть в нужный поезд, они даже могут вести его, но куда он идет, они и понятия не имеют. Они голову положат, чтобы институт переехал в Эджстоу. Тем они ценны. Но что это за институт, что ему нужно, что вообще нужно... это уж увольте! Нет, прагматометрия!.. Пятнадцать начальников!

– Наверное, и я такой же...

– Ни в коей мере! Вы сразу поняли, в чем суть. Я знал, что вы поймете. Я читал все ваши статьи. Потому я и хочу с вами поговорить.

Марк молчал. Головокружительный прыжок на новый уровень избранности мешал ему говорить, как и прекрасное вино.

– Я хочу, – сказал Феверстон, – чтобы вы перешли в институт.

– То есть... оставил колледж?

– Это не важно. А вообще, что вам здесь делать? Когда старик уйдет, мы сделаем ректором Кэрри...

– Я слышал, что ректором будете вы.

– Я?! – удивился Феверстон, словно ему предложили стать директором школы для дефективных; и Марк обрадовался, что собственный его тон можно истолковать и как шуточный. Оба посмеялись.

– Здесь вы попусту тратите время, – сказал наконец Феверстон. – Это место для Кэрри. Скажешь ему, что он думает, и он так будет думать. Колледж для нас – только инкубатор. Мы будем брать отсюда стоящих людей.

– Для института?

– Да, прежде всего. Но это лишь начало.

– Я не совсем вас понимаю.

– Скоро поймете. Скажу в стиле Бэзби: человечество – на распутье. Сейчас самое главное – решить, на стороне ты порядка или на стороне обскурантизма. По всей вероятности, человеческий род уже способен управлять своей судьбой. Если дать науке волю, она пересоздаст человека, сделает его воистину полезным животным. Если ей это не удастся... тогда нам конец.

– Это очень интересно...

– Основных проблем – три. Первое, межпланетные дела...

– Что это такое?

– Пока не важно. Тут в данное время мы бессильны. Был один человек, Уэстон...

– Он где-то погиб?

– Его убили.

– Убили?

– Несомненно. Я даже догадываюсь, кто именно.

– Господи! И ничего нельзя сделать?

– Доказательств нет. Убийца – почтенный филолог со слабым зрением, да еще хромой.

– За что же Уэстона убили?

– За то, что он с нами. Убийца – из вражеского лагеря.

– И все?

– Да, – сказал Феверстон. – В том-то и дело. Всякие Кэрри и Бэзби вечно твердят, что реакция борется против нас. Они и не подозревают, что это – настоящая борьба. Соппротивление врагов не кончилось судом над Галилеем. Оно только начинается. Теперь они знают, что вопрос о будущем человечества решится в ближайшие шестьдесят лет. Они будут сражаться до конца. Их ничто не остановит.

– Они не могут победить, – сказал Марк.

– Надеюсь, – сказал Феверстон. – Да, не могут. Вот почему беспредельно важно решить, с кем ты. Если попытаешься остаться в стороне, станешь пешкой, больше ничего.

– Ну, я-то знаю, с кем я! – сказал Марк. – Спасти человечество... о чем тут и думать!

– Лично я, – сказал Феверстон, – не стал бы подражать Бэзби. Реалистично ли заботиться о том, что станет с кем-то через миллионы лет? Кроме того, не забывайте, что враг тоже толкует о спасении человечества. Практически же суть в том, что ни вы, ни я не хотим быть пешками и любим бороться... особенно если победа обеспечена.

– Что же надо делать?

– Вот в том и вопрос. Межпланетные проблемы придется временно отложить. Вторая проблема связана с нашей планетой. У нас слишком много врагов. Я говорю не о насекомых и не о микробах. Жизни вообще слишком много. Мы еще не расчистили толком место. Во-первых, мы не могли; во-вторых, нам мешали гуманистические и эстетические предрассудки. Даже теперь вы услышите, что нельзя нарушать равновесие в природе. Наконец, третья проблема – сам человек.

– Это удивительно интересно...

– Человек должен взять на себя заботу о человеке. Значит это, сами понимаете, что одни люди должны взять на себя заботу об остальных. Мы с вами хотим оказаться среди этих, главных.

– Что вы имеете в виду?

– Очень простые вещи. Прежде всего стерилизуем негодные экземпляры, уничтожаем остальные расы (на что нам мертвый груз?), налаживаем селекцию. Затем вводим истинное образование, в том числе – внутриутробное. Истинное образование уничтожит возможность выбора. Человек растет таким, каким нам надо, и ни он, ни его родители ничего сделать не могут. Конечно, поначалу это коснется лишь психики, но потом перейдет и на биохимический уровень, будем прямо управлять сознанием...

– Это поразительно, Феверстон.

– И вполне реально. Новый тип человека. А создавать его будем мы с вами.

– Не примите за ложную скромность, но мне не совсем понятно, при чем тут я.

– Ничего, мне понятно. Именно такой человек нам нужен: отличный социолог, реалист, который не боится ответственности... и умеет писать, наконец.

– Вы хотите, чтобы я все это рекламировал?

– Нет. Мы хотим, чтобы вы все это камуфлировали. Конечно, только на первое время. Когда дело пойдет, нас не будет трогать мягкосердечие англичан. Мы им сердце подправим. А пока, вначале, нам важно, как что подать. Вот, например, если пойдут слухи, что институт собирается ставить опыты на заключенных, старые девы разорутся и разохаются. Назовите это перевоспитанием неприспособленных, и все возликует, что кончилась варварская эпоха наказаний. Странно, никто не любит слова «опыт»; «эксперимент» – уже получше, а «экспериментальный» – просто восторг. Ставить опыты на детях – да упаси господь, экспериментальная школа – пожалуйста!

– Вы не хотите сказать, что мне в основном пришлось бы заниматься... ну, журналистикой?

– Какая журналистика! Читать вас будут прежде всего парламентские комиссии. Но это не главное ваше дело. Что же до главного... сейчас невозможно предугадать, во что оно выльется. Такому человеку, как вы, я не буду говорить о финансовой стороне. Начнете вы со скромной суммы – так, тысячи полторы.

– Об этом я не думал, – сказал Марк, вспыхнув от удовольствия.

– Конечно, – сказал Феверстон. – Значит, завтра я вас везу к Уизеру. Он просил меня привезти вас на субботу-воскресенье. Там вы встретите всех, кого нужно, и осмотритесь получше.

– При чем тут Уизер? – спросил Марк. – Я думал, директор института – Джалс.

(Джалс был известным писателем и популяризатором науки.)

– Джалс! Ну, знаете! – сказал Феверстон. – Он представляет институт нашей почтенной публике. А так – какой с него толк? Он не ушел дальше Дарвина.

– Да, да, – сказал Марк. – Я и сам удивлялся. Что ж, если вы так любезны, я согласен. Когда вы выезжаете?

– В четверть одиннадцатого. Я за вами заеду, подвезу вас.

– Спасибо большое. Расскажите мне, пожалуйста, про Уизера.

– Джон Уизер... – начал Феверстон и вдруг воскликнул: – Ах ты, черт! Кэрри идет. Придется слушать, что сказал Два Нуля и как наш политик его отбрил. Не уходите. Я без вас не выдержу.

2

Когда Марк ушел, автобусов уже не было, и он направился к дому пешком под светлой луной. Когда же он вошел в дом, случилось что-то небывалое – Джейн кинулась к нему, дрожа и чуть не плача, повторяя: «Я так испугалась!»

Больше всего его удивило, что она ослабела, обмякла, утратила скованность и настороженность. Так бывало и раньше, но очень редко, а в последнее время вообще не было. Кроме того, вслед за этим, наутро, разразилась ссора. Словом, Марк удивился, но ни о чем не спросил.

Вряд ли он понял бы, если бы спросил; да Джейн и не сумела бы толком ответить. Однако причины были просты: от Димблов она пришла в пятом часу, оживилась по пути, проголодалась и поверила, что со страхами покончено. Дни становились короче, пришлось зажечь свет, опустить шторы, и тут уж страхи эти показались совсем смешными, как детский страх темноты. Она стала думать о детстве и, быть может, вспомнила его слишком хорошо; во всяком случае, когда она пила чай, настроение ее изменилось. Ей стало трудно читать. Она забеспокоилась. Потом, довольно долго, она считала, что испугается, если не будет держать себя в руках. Потом она решила все-таки поесть, но не смогла. Пришлось признать, что страх вернулся, и она позвонила Димблам. Миссис Димбл почему-то помолчала и сказала, что пойти надо к какой-то мисс Айронвуд. Джейн думала, что речь шла о мужчине, и ей стало неприятно. Жила эта врачиха не здесь, а повыше, в Сэнт-Энн. Джейн спросила, надо ли записаться. «Нет, – сказала миссис Димбл. – Они будут вас...» – и не докончила фразы. Втайне Джейн надеялась, что та все поймет и скажет: «Я сейчас приеду», но услышала торопливое «до свиданья». Голос был странный, и Джейн показалось, что сейчас они с мужем говорили именно о ней... нет, не о ней, о чем-то более важном, но с ней связанном. Что значит «они будут вас...»? «Они будут вас ждать»? Жуткое, как в детстве, видение каких-то ожидающих ее людей пронеслось перед нею. Она увидела, как мисс Айронвуд, вся в черном, сидит, сложив руки на коленях, а кто-то входит и говорит: «Она пришла».

«Да ну их!..» – подумала Джейн, имея в виду Димблов, и тут же раскаялась, точнее – испугалась.

Теперь, когда телефон не помог, страх кинулся на нее, словно в отместку за то, что она пыталась от него спастись, и она не могла потом вспомнить, вправду ли мелькал перед ней закутанный в мантию старик, или она просто дрожала, причитала, даже молилась неведомо кому, пытаясь предотвратить его появление.

Вот почему она кинулась к мужу. А он пожалел, что она кидается к нему, когда он так устал, и запоздал, и, честно говоря, напился.

3

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он наутро.

– Да, спасибо, – ответила она.

Марк лежал в постели и пил чай. Джейн причесывалась перед зеркалом. Смотреть на нее было приятно. Мы, люди, всегда проецируем свои чувства на других. Нам кажется, что ягненок ласков и кроток, потому что его приятно гладить. На Джейн было приятно смотреть, и Марку казалось, что и ей самой хорошо.

А Джейн казалось, что ей так плохо потому, что волосы ее не слушаются, и потому, что Марк пристаёт с вопросами. Конечно, она знала, что злится на себя за то, что вчера вечером сорвалась и стала именно тем, что ненавидела, – «маленькой женщиной», которая ищет утешения в мужских объятиях. Но она думала, что злоба эта – где-то глубоко, внутри, и не догадывалась, что лишь по этой причине пальцы, а не волосы не слушаются ее.

– Если тебе плохо, – продолжал Марк, – я могу и не ехать...

Джейн промолчала.

– А если я поеду, – говорил он, – ты будешь одна ночи две-три.

Джейн плотнее сжала губы и не сказала ничего.

– Ты не пригласишь Миртл? – спросил Марк.

– Нет, спасибо, – сказала Джейн. – Я привыкла быть одна.

– Знаю, – не совсем приветливо сказал Марк. – Черт-те что у нас творится... Жить не дают. Отчасти поэтому я и хочу перейти на другую работу.

Джейн молчала.

– Вот что, старушка, – сказал Марк, спуская ноги с кровати. – Не хочется мне уезжать, когда ты в таком состоянии.

– В каком это? – спросила Джейн и обернулась к нему.

– Ну... нервничаешь... так, немножко... у кого не бывает...

– Если я видела вчера страшный сон, это еще не значит, что я ненормальная! – сказала Джейн, хотя ничего подобного говорить не собиралась.

– Нет, так нельзя... – начал Марк.

– Как это «так»? – холодно спросила Джейн и не дала ему ответить. – Если ты решил, что я сошла с ума, пригласи доктора. Очень удобно, они меня заберут, пока тебя нет. Ладно, я в кухню пойду. А ты брейся, скоро явится твой лорд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.